

САМОУБИЙСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА: СТАТИСТИКА ОФИЦИАЛЬНАЯ И РЕАЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО ЖЕРТВ СУИЦИДА

С.В. Богданов, Н.А. Жукова, А.С. Мамин, В.Г. Остапюк

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
г. Белгород, Россия

SUICIDES IN THE RUSSIAN EMPIRE AFTER THE ABOLITION OF THE SERFDOM: OFFICIAL STATISTICS AND THE REAL NUMBER OF SUICIDE VICTIMS

*S.V. Bogdanov, N.A. Zhukova,
A.S. Mamin, V.G. Ostapjuk*

Belgorod State National Research University, Russia

Информация об авторах:

Богданов Сергей Викторович – доктор исторических наук, доцент (SPIN-код: 2216-5663; AuthorID: 637726; Researcher ID: AАН-3086-2019; ORCID iD: 0000-0003-2543-6890). Место работы и должность: профессор кафедры административного права и процесса ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». Адрес: Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85. Телефон: +7 (4722) 30-13-00, электронный адрес: dr.bogdanov_sv@mail.ru

Жукова Наталья Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 7682-3625; AuthorID: 322549, ResearcherID: AАН-2882-2019, ORCID iD: 0000-0002-6059-1098). Место работы и должность: заведующая кафедрой судебной экспертизы и криминалистики ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». Адрес: Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85. Телефон: +7 (4722) 30-18-56, электронный адрес: zhukova_n@bsu.edu.ru

Мамин Андрей Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 9395-1311; AuthorID: 690557; Researcher ID: AАН-3462-2019; ORCID iD: 0000-0002-1818-6013). Место работы и должность: доцент кафедры административного права и процесса ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». Адрес: Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Телефон: +7 (4722) 30-13-00, электронный адрес: mamin@bsu.edu.ru

Остапюк Владимир Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 3317-8912; AuthorID: 913561; Researcher ID: A-8541-2017; ORCID iD: 0000-0002-4599-9757). Место работы и должность: заведующий кафедрой административного права и процесса ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». Адрес: Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Телефон: +7 (4722) 30-13-00, электронный адрес: ostapjuk@bsu.edu.ru

Information about the authors:

Bogdanov Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (SPIN-код: 2216-5663; AuthorID: 637726; Researcher ID: AАН-3086-2019; ORCID iD: 0000-0003-2543-6890). Place of work and position: Professor of the Department of Administrative Law and Process, Belgorod State National Research University. Address: Russia, 308015, Belgorod, st. Victory, 85. Phone: +7 (4722) 30-13-00, email: dr.bogdanov_sv@mail.ru

Zhukova Natalya Alekseevna – PhD in Law, Associate Professor (SPIN-код: 7682-3625; AuthorID: 322549, ResearcherID: AАН-2882-2019, ORCID iD: 0000-0002-6059-1098). Place of work and position: Head of the Department of Forensic Expertise and Criminalistics, Belgorod State National Research University. Address: Russia, 308015, Belgorod, st. Victory, 85. Phone: +7 (4722) 30-18-56, email: zhukova_n@bsu.edu.ru

Mamin Andrey Sergeevich – PhD in Law, Associate Professor (SPIN-код: 9395-1311; AuthorID: 690557; Researcher ID: AАН-3462-2019; ORCID iD: 0000-0002-1818-6013). Place of work and position: Associate Professor, Department of Administrative Law and Process, Belgorod State National Research University. Address: Russia, 308015, Belgorod, st. Pobedy 85, Phone: +7 (4722) 30-13-00, email: ma-min@bsu.edu.ru

Ostapjuk Vladimir Grigoryevich – PhD in Law, Associate Professor (SPIN-код: 3317-8912; AuthorID: 913561; Researcher ID: A-8541-2017; ORCID iD: 0000-0002-4599-9757). Place of work and position: Head of the Department of Administrative Law and Process, Belgorod State National Research University. Address: Russia, 308015, Belgorod, st. Pobedy 85, Phone: +7 (4722) 30-13-00, email: ostapjuk@bsu.edu.ru

Цель: Статья посвящена анализу официальной статистики смертности населения 49 губерний Европейской части страны от самоубийств и причинам её неполноты. Материалы и методы: В качестве хронологического периода выступают 1876-1892 гг. – годы, когда в Российской империи начали производиться сбор и публикация сведений об умерших в результате насильственных причин, а также обнаруженных мертвых телах, которые могут рассматриваться как своеобразный «резервуар» неучтённой насильственной смертности – от

убийств и самоубийств. Для получения более полной картины смертности населения от самоубийств используются сведения судебно-медицинских экспертиз обнаруженных мертвых тел. Результаты: Как свидетельствует статистика, в общем количестве умерших от скоропостижных, насильственных причин и несчастных случаев в целом по Российской империи в 10,9 случаев причины смерти человека оставались неизвестными. Количество умерших в городах от неизвестных причин в общем итоге умерших занимало более значительное место – 15,4, чем в селениях – 10,3. Количество умерших мужчин, у которых не была установлена причина смерти в целом по России в расчёте на 100 умерших обоёго пола, в этот период составило 11,2 человека. У женщин этот показатель был 8,1 человек. На 100 умерших мужчин, у которых причины смерти были не установлены, в городах пришлось 29,2 женщины, а в селениях – 20,9. Вообще по Российской империи этот показатель составил 22,2. Таким образом, на 30 тысяч наличного городского населения 1,1 человек умер от невыясненных причин. Проведённый анализ результатов судебно-медицинских осмотров и вскрытий обнаруженных мертвых тел, проводившихся на протяжении 1876-1892 гг., выявил тот факт, что в 63,3% случаях были выявлены насильственные причины смерти. В тех случаях, когда судебными медиками констатировалась насильственная смерть, в среднем в 19,1% случаях она являлась следствием самоубийства и в 30,9% случаях – злонамеренных убийств. Выводы: Таким образом, для получения приближённой к действительности статистики погибших от насильственных причин смерти в России во второй половине XIX столетия необходимо к официальной статистике отдельных видов смертности добавить соответствующие рассчитанные средние процентные значения.

Ключевые слова: самоубийство, недоучёт жертв суицида, обнаруженные мертвые тела, пореформенное развитие, судебно-медицинская статистика

Проблемы насильственной смертности населения в современной России стоят чрезвычайно остро. Ситуация усугубляется значительными масштабами недоучёта отдельных видов смертности, что способствовало появлению научных статей, посвящённых данной проблеме. Из достаточно большого перечня выделим две [1, 2]. В статье А.Е. Иванова и соавт. [1] использованы методы компонентного анализа, что позволило доказать искажение структуры внешних причин за счёт занижения смертности от убийств и суицидов в рубрике «повреждения с неопределёнными намерениями». В работе Н.А. Туниной [2] анализируются масштабы внутрисемейного насилия в России, в том числе его латентная составляющая. Автор делает вывод, что отсутствие реальной статистики по семейному насилию, с учётом многочисленных зарубежных исследований, указывает на то, что определённые заболевания являются следствием естественной латентности внутрисемейного насилия.

Безусловно, эта ситуация не возникла в одночасье. Поэтому нахождение наиболее эффективных механизмов снижения уровня насильственной смертности вынуждают исследователей всё чаще обращаться к историческому опыту их решения в прошлом. В последние годы отдельными как российскими, так и зарубежными авторами были опубликованы работы, посвящённые динамике и особенностям суицидальной активности населения в Российской империи на рубеже XIX – XX веков [3-7].

Цель исследования: рассмотрение масштабов, динамики и тенденций смертности населения в имперской России от самоубийств, а также выявление «резервуара» недоучёта официальной статистикой погибших в результате аутоагрессии.

Материал и методы исследования. Хронологическим периодом для изучения обозначенных про-

The problems of violent mortality in modern Russia are extremely acute. The situation is aggravated by the significant extent of underestimation of certain types of mortality, which led to the emergence of scientific articles on this issue. From a sufficiently large list, we single out two articles [1, 2]. In the article by A.E. Ivanova et al. [1] the methods of component analysis were used, which made it possible to prove the distortion of the structure of external causes due to the underestimation of mortality from homicides and suicides grouped under the heading “Damage from uncertain intentions”. In the work by N.A. Tunina [2] the scale of domestic violence in Russia is analyzed, including its latent components. The author concludes that the lack of real statistics on family violence, considering numerous foreign studies, indicates that certain diseases come as a result of the natural latency of domestic violence.

Of course, this situation did not occur overnight. Therefore, finding the most effective mechanisms to reduce the level of violent mortality makes researchers turn to the historical experience of solving them in the past more and more often. In recent years, several Russian and foreign authors have published works on the dynamics and characteristics of the suicidal activity of the population in the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries [3-7].

The purpose of this study is to examine the extent, dynamics, and tendencies of suicide mortality in imperial Russia, as well as to identify the “reservoir” of underreporting by official statistics of deaths from auto-aggression.

Material and research methods. The first decades following the fall of serfdom

блем явились первые десятилетия, последовавшие после падения крепостного права в России – 1870-1893 гг. Выбор данного временного периода был predetermined двумя основными обстоятельствами: во-первых, это годы масштабных реформ во всех сферах жизни российского общества, которые способствовали крутой ломке экономического, социального фундамента, трансформациям ментальности; во-вторых, начало сбора более или менее удовлетворительной статистики насильственной и внезапной смертности в губерниях Российской империи. В то же время, статистика обнаруженных мёртвых тел в отечественной полицейской статистике начала вестись с 1875 г.

В работе также используется значительный массив результатов судебно-медицинских экспертиз обнаруженных мёртвых тел. Однако до 1876 г., а также за 1889, 1890 гг. данных сведений обнаружить не удалось. В целом, результаты судебно-медицинских экспертиз являются дополнительным источником, позволяющим скорректировать официальную статистику погибших от самоубийств в пореформенной России. В работе используется метод динамики рядов официальной статистики смертности от законченных самоубийств в пореформенные годы.

Научный обзор.

Острота проблем насильственной смертности, в том числе неполноты её учёта не могли оставить в стороне отечественных специалистов ещё задолго до отмены крепостного права. О трудностях выявления действительной причины смерти, особенно у того человека, который скончался без свидетелей и был обнаружен спустя определённый промежуток времени, начали говорить судебные медики ещё в начале 1830-х гг. Так, в опубликованном в 1832 г. весьма обстоятельном труде академика Императорской Медико-хирургической академии Сергея Громова, посвящённом широкому спектру вопросов судебной медицины, констатировалось: «Если успели мы открыть и доказать, что человек действительно умер насильственной смертью: то нередко напрашивается ещё, сам ли он был причиной оной, или кто-либо другой, умышленно или неумышленно? Решение вопроса сего часто сопряжено бывает с великими затруднениями, даже иногда, и совершенно невозможно...» [8].

Масштабная либерализация общественно - политической жизни в России, толчок которой был дан с начала 1860-х гг., в качестве широко обсуждаемых выдвинула те вопросы, которые ранее печать старалась обходить стороной. Одной из таких тем оказались реальные масштабы насильственной смертности в стране.

Известный российский специалист по проблемам движения населения второй половины XIX столетия В.Я. Буняковский признавал: «Впрочем, в строгом смысле, есть одна постоянная причина, клонящаяся к

in Russia – 1870-1893 – were chosen as the chronological period to study the indicated problems. The choice of this time period was predetermined by two main circumstances: first, these were the years of large-scale reforms in all spheres of life of the Russian society, which contributed to a steep breakdown of the economic and social foundation, transformation of mentality; second, then began the collection of more or less satisfactory statistics of violent and sudden mortality in the provinces of the Russian Empire. At the same time, statistics on found dead bodies came into place in 1875 by national police.

The work also uses a significant array of the results of forensic medical examinations of dead bodies. However, until 1876, as well as for 1889, 1890. Data could not be found. In general, the results of forensic medical examinations are an additional source that allows you to adjust the official statistics of victims of suicide in post-reform Russia. The paper uses the method of dynamics of the series of official statistics on mortality from completed suicides in the post-reform years.

Scientific review.

The severity of the problems of violent mortality, including the incompleteness of its registration, could not leave aside national specialists long before the abolition of serfdom. Forensic doctors began talking about the difficulties in identifying the real cause of death, especially for persons who died without witnesses and were not discovered immediately, in the early 1830s. So, in a very comprehensive work published in 1832 by the academician of the Imperial Medical and Surgical Academy Sergei Gromov on a wide range of issues in forensic medicine, it was stated: “If we managed to discover and prove that a person really died from a violent death, there comes the next question – whether he himself was the cause of it or someone else, intentionally or unintentionally? The solution to this question is often associated with great difficulties, and sometimes, even completely impossible ...” [8].

Large-scale liberalization of socio-political life in Russia, the impetus of which has been given since the beginning of the 1860s as widely discussed, put forward those issues that the press had previously tried to avoid. One of these topics turned out to be the real extent of violent mortality in the country.

The famous Russian specialist in field of problems of population movement in the second half of the 19th century V.Ya. Bunyakovsky admitted: “In the strict sense, there is only one constant reason for a certain decrease in the observed mortality figures noticed by all statisticians: in the general opin-

некоторому уменьшению наблюдаемых цифр смертности, замечаемая всеми статистами: по общему мнению, списки о рождениях всегда ведутся исправнее, чем списки об умерших. И в самом деле, должно принять в соображение, что в массе народа, немалое число людей, пропавших без вести, утонувших, погибших насильственной смертью, самоубийц, умирающих за границей и проч., не вносятся в смертные списки, тогда как они были занесены в ведомости о рождениях. По отсутствию надежных данных, вычислить влияние, которое подобные пропуски имеют на увеличение цифры смертности, оказывается совершенно невозможным» [9].

Научный интерес российских учёных к проблемам насильственной смертности в определённой степени диктовался желанием выявить закономерности развития насильственной смертности от двух основных составляющих – злонамеренных убийств и самоубийств, а также наметить пути их снижения.

Анализируя соотношение количества погибших от убийств к покончившим жизнь самоубийством известный российский экономист К.С. Веселовский ещё в конце 1840-х гг. высказал следующее предположение. Учёные, занимавшиеся приложением статистики к судебной медицине, обратили особое внимание на сравнение числа самоубийств с числом убийств. Это сравнение, по его мнению, может вести к заключению «о вероятности того: от своей или от чужой руки погиб человек, найденный мертвым; разумеется – в тех случаях, когда по тщательному исследованию, не оказывается никаких доказательств того или другого исключительно. Но, кроме этой цели, подобное сравнение, конечно, может вести к другим важным соображениям о народной нравственности». В подтверждение этому автор приводит следующие аргументы. В 1825-1831 гг. в Российской империи в среднегодовом исчислении приходилось самоубийств – 1140 и убийств – 1187. В 1833-1841 гг. самоубийств – 1484 и убийств – 1121. Почти к такому же результату пришёл один из первых отечественных специалистов, составивших таблицы смертности среди российского населения, академик Российской Академии наук К.Ф. Герман в своём докладе о народной нравственности за 1819 и 1820 гг. К.С. Веселовский резюмирует: ежегодное число самоубийств бывает почти равно числу убийств [10].

Однако данное утверждение автора не подтверждается российской статистикой смертности населения от насильственных причин в последующие десятилетия после отмены крепостного права. Так, если мы сравним случаи смертоубийства и самоубийства в Харьковской губернии с 1866-1870 гг. между собой, то придём к довольно интересным заключениям.

В городах Харьковской губернии самоубийства случались чаще злонамеренных убийств в 3 раза, а в уездах – только в 1,62 раза. Таким образом, стремление

ion, births lists are always kept better than deaths lists. And in fact, it must be taken into consideration that in the masses of people, a considerable number of people who went missing, drowned, were killed violently, committed suicide, died abroad, etc., are not included in the deaths lists, while they were recorded in the births list. Due to the lack of reliable data, it turns out to be completely impossible to calculate the effect that such omissions have on increasing mortality figures” [9].

The scientific interest of Russian scientists in the problems of violent mortality was dictated to a certain extent by the desire to identify patterns of development of violent mortality from two main components – intended murder and suicides, as well as to outline the ways to reduce them.

Analyzing the ratio of the number of deaths from murders and suicide attempters, the famous Russian economist K.S. Veselovsky back in the late 1840s. made the following assumption. Scientists involved in the application of statistics to forensic medicine paid special attention to comparing the number of suicides to the number of murders. This comparison, in his opinion, can lead to the conclusion “about the likelihood of whether the person found dead died from his own or someone else's hand, of course, in those cases when, upon careful investigation, there is no evidence of either one or the other exclusively. But, besides this goal, such a comparison, of course, can lead to other important considerations about popular morality.” In support of this, the author gives the following arguments. In the years 1825-1831 in the Russian Empire the average annual figures for registered suicides were 1140 and for murders – 1187. In 1833-1841 there were registered 1484 suicide and 1121 murders. Almost the same result was reached by one of the first Russian specialists who compiled mortality tables among the Russian population, academician of the Russian Academy of Sciences K.F. German in his report on folk morality in 1819 and 1820. K.S. Veselovsky summarizes that the annual number of suicides is almost equal to the number of murders [10].

However, this statement by the author is not supported by Russian statistics on mortality from violent causes in the following decades after the abolition of serfdom. So, if we compare the cases of murders and suicides in the Kharkov province from 1866-1870, we can come to quite interesting conclusions.

Suicides occurred 3 times more often than intended murders in the cities of the Kharkov province and only 1.62 times in

в городах, сравнительно с уездами убивать себя в 1,92 (почти в 2 раза) больше стремления убивать других. Поразительнее всего отношения в некоторых уездах и в Харькове. Число самоубийц относится к смертоубийствам: в Харькове – 3,4 к 1; в Харьковском уезде – 1,05 к 1. Результаты получаются довольно примечательные, если мы сравним Харьковскую губернию с другими: именно в Полтавской губернии самоубийства встречались чаще, нежели смертоубийства в 1,9 раза, практически такое же отношение было выявлено и для Харьковской. Напротив того, в Симбирской губернии самоубийства случались реже в 1,6 раза; в Вятской губернии самоубийства – реже в 1,75 раз, а в Иркутской – реже в 1,5 раза, нежели смертоубийства.

Как делают вывод дореволюционные статисты: «Другими словами в северных губерниях, с большим количеством инородцев и бродячего населения, жизнь жителей поставлена в такие дурные нравственные и материальные условия, что они ведут скорее к уничтожению чужой личности, нежели своей; между тем как сумма условий жизни народонаселения южных губерний, а может быть и сам склад характера народа таковы, что является сильное побуждение скорее самому сойти со сцены жизни, нежели убить другого» [11].

В целом, с начала XIX столетия проблема роста числа самоубийств стала последовательного серьёзно обостряться. Если в России в 1810-1820-х гг. количество самоубийств на 100000 жителей колебалось между 16 и 17,6, в 1830-х гг. оно уже возросло до 27,5, то в 1870-х гг. оно достигло уже 30. Как считает Н.И. Мухин, данное увеличение относительного числа самоубийств не зависело от прироста, большей густоты или большого количества населения [12].

Для выяснения масштабов и динамики суицидальной активности населения губерний Европейской России и количества обнаруженных мертвых тел в 1870-1893 гг. обратимся к официальной статистике, которая из губернских статистических комитетов поступала в Центральный статистический комитет МВД Российской империи (табл. 1) [13, 14, 15].

Как видно из представленных в этой таблице сведений, на протяжении данного пореформенного периода наблюдалось увеличение числа россиян, погибших в результате самоубийств. В 1893 г. покончило с собой в 1,81 раза больше, чем в 1874 г. Что касается количества обнаруженных мёртвых тел, то динамика этого показателя, напротив, характеризовалась постепенным спадом. К 1893 г. количество найденных мёртвых тел на территории губерний Европейской части России уменьшилось на 74% от уровня 1875 г.

Каждый случай насильственной и внезапной смерти в обязательном порядке подлежал расследованию полицейскими органами, на территории которых произошёл инцидент со смертельным исходом, либо было обнаружено мёртвое тело.

counties. Thus, the desire to take one's own life is 1.92 (almost 2 times) higher than the desire to kill others in the cities compared to the counties. Most striking is the relationship in some counties and in Kharkov. The ratio between suicides and murders is 3.4:1 in Kharkov and 1.05:1 in the Kharkov district. The results are quite remarkable if we compare the Kharkov province with other provinces. In Poltava province suicides were 1.9 times more often than murders, almost the same ratio as was found in Kharkov. On the contrary, in Simbirsk province the number of suicides were 1.6 times, in the Vyatka province 1.75 times, and in Irkutsk less than 1.5 times lower than the number of murders.

The pre-revolutionary statisticians conclude: "In other words, in the northern provinces, with a large number of foreigners and tramps, the lives of residents are put into such bad moral and material conditions that lead more to taking someone else's life rather than their own; at the same time, the combination of the living conditions of the population in the southern provinces, and perhaps the very way of character of the nation is such that there is a strong urge to take one's own life rather than kill someone" [11].

In general, from the beginning of the 19th century, the problem of an increase in the number of suicides became progressively serious. If in the 1810-1820 s. in Russia the number of suicides per 100,000 inhabitants ranged between 16 and 17.6, it increased to 27.5 in the 1830s., and to 30 in the 1870s. According to N.I. Mukhin, this increase in the relative number of suicides did not depend on growth of population, its density, or a number of people [12].

To determine the extent and dynamics of suicidal activity of the population of the provinces of European Russia and the number of dead bodies detected in 1870-1893 let us turn to official statistics, which came from the provincial statistical committees to the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire (Table 1) [13, 14, 15].

As can be seen from the information presented in this table, during this post-reform period there was an increase in the number deaths by suicide in Russia. In 1893 the number of suicides committed was 1.81 times higher than in 1874. As for the number of dead bodies discovered, on the contrary, the dynamics of this indicator was characterized by a gradual decline. By 1893, the number of dead bodies found in the provinces of the European part of Russia decreased by 74% compared to the level of 1875.

Таблица 1 / Table 1

Показатели динамики смертности населения 49 губерний Европейской части Российской империи от самоубийств и количества найденных мертвых тел (1875-1893 гг.)

The dynamics of mortality in 49 provinces of the European part of the Russian Empire from suicides and the number of dead bodies found (1875-1893)

Год Year	Всего погибших от самоубийств Deaths by suicide, total		Всего обнаружено мертвых тел Dead bodies discovered, total	
	Общее количество Total number	Темпы роста (+) / снижения (-) к предыдущему году Increase (+) / decrease (-) compared to the previous year	Общее количество Total number	Темпы роста (+) / снижения (-) к предыдущему году Increase (+) / decrease (-) compared to the previous year
1870	1647	-	no data	-
1871	1756	109	no data	-
1872	1698	-58	no data	-
1873	1755	57	no data	-
1874	1757	2	no data	-
1875	1783	26	2290	-
1876	1747	-36	2621	331
1877	1708	-39	2520	-101
1878	1758	50	2172	-348
1879	2030	272	2424	252
1880	2186	156	2863	439
1881	2046	-140	2291	-572
1882	2158	112	2113	-178
1883	2303	145	2081	-32
1884	2392	89	2006	-75
1885	2481	89	1941	-65
1886	2399	82	1708	-233
1887	2379	-20	1899	191
1888	2478	99	1688	-211
1889	2856	378	1674	-14
1890	2795	-61	1565	-109
1891	2958	163	1448	-117
1892	2799	-159	1685	237
1893	2986	187	1696	11

Полицейским органам было предоставлено право выдавать разрешение на захоронение человека, который умер в результате ненасильственной смерти.

К данному роду смерти были отнесены последствия гибели лица от пьянства, угара, поражения молнией, утопления, нечаянного ушиба, а также от самоубийства от известного уже помешательства ума.

В случае если полицейский при ознакомлении с телом погибшего, обнаруживал следы неестественной смерти, тогда он обязан был вызвать судебного врача. Однако на практике, из-за нехватки судебных медиков в российской глубинке, довольно часто полицейские чиновники при необходимости вызывали обычного врача. Безусловно, это не способствовало повышению качества проведения экспертизы.

Each case of violent and sudden death was mandatory to be investigated by the police in the territory where the fatal incident occurred or the dead body was found. Police authorities were given the right to bury a person who died as a result of non-violent death. The types of death that were classified as non-violent included death from alcohol consumption, intoxication, a lightning strike, drowning, an accidental injury, and suicide in case of known dementia.

If a policeman found traces of unnatural death during examination of the body of the deceased, he had to call a forensic doctor. However, in practice, due to the shortage of forensic doctors in the Russian far away counties, police officials quite often called upon a

Один из ответственных чиновников Медицинского департамента МВД Российской империи, доктор медицины Н.И. Розов по этому поводу отмечал: «... Практика наружных осмотров показывает, что полицейские чины приглашают врача к наружному осмотру тел собственноручно для того, чтобы скорее и безответственнее для себя окончить дознание об обстоятельствах и причинах смерти, слагая затем последствия неудовлетворительного дознания на заключение врача» [16].

В начале 1870-х гг. отдельные российские специалисты начали открыто заявлять о неудовлетворительной ситуации, сложившейся в сфере учёта насильственной и внезапной смертности в России. Ещё одной из иллюстраций может служить мнение знаменитого петербургского психиатра И.Р. Пастернацкого, который признавал следующее: «Прежде чем представить случаи самоубийств в Петербурге, мы обратим внимание читателей на те обстоятельства, благодаря которым числа эти оказываются неверными. В дневнике приложений Петербургской полицейской газеты кроме случаев самоубийства приходится читать, что в том или другом месте всплыло или найдено мёртвое тело, при чем невольно является ряд вопросов: почему же это тело попало в воду, не с самоубийцей ли мы имеем дело, или этот труп – есть жертва убийства или несчастной случайности?.. Решение вопросов о том, сам ли человек лишил себя жизни, или кто-либо другой был тому причиной, в подобных случаях очень затруднительно, но вместе с тем и очень важно для статистики. ... Принимая же во внимание, что число мёртвых тел, находимых в Петербурге, по величине своей не уступает числу самоубийц, позволительно думать, что известный процент этих мёртвых тел может принадлежать самоубийцам. ... Вследствие этих рассуждений мы можем говорить только о самоубийствах вполне доказанных, число которых, по нашему мнению, меньше действительного» [17].

Как свидетельствует отечественная статистика преформенных десятилетий, в общем количестве умерших от скоропостижных, насильственных причин и несчастных случаев в целом по Российской империи в 10,9 случаев причины смерти человека оставались неизвестными. Количество умерших в городах от неизвестных причин в общем итоге умерших занимало более значительное место – 15,4, чем в селениях – 10,3. Количество умерших мужчин, у которых не была установлена причина смерти в целом по России в расчёте на 100 умерших обоего пола, в этот период составило 11,2 человека. У женщин этот показатель был 8,1 человек. На 100 умерших мужчин, у которых причины смерти были не установлены, в городах пришлось 29,2 женщины, а в селениях – 20,9. Вообще по Российской империи этот показатель составил 22,2. Таким образом, на 30 тысяч наличного городского населения 1,1 человек умирал от

regular doctor in case of need. Of course, this did not contribute to improving the quality of the examination.

One of the responsible officials of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, doctor of medicine N.I. Rozov noted on this occasion: "... The practice of external examinations shows that police officers invite a doctor to an external examination in order to complete the inquiry about the circumstances and causes of death faster and take off themselves the responsibility, and in case of the unsatisfactory inquiry the could blame the doctor's opinion" [16].

In the early 1870s some Russian experts began to openly declare an unsatisfactory situation in the field of accounting for violent and sudden mortality in Russia. Another illustration is the opinion of the famous St. Petersburg psychiatrist I.R. Pasternatsky, who admitted the following: "Before presenting the cases of suicides in St. Petersburg, we will draw the attention of readers to those circumstances due to which these numbers turn out to be incorrect. In the diary of the adventures of the St. Petersburg police newspaper, besides cases of suicide, you will read that a dead body surfaced or was found in one place or another, and a number of questions are unwittingly asked: why did this body fall into the water, is that a suicide or a victim of murder or an accident? .. Understanding whether a person took their own life or someone else did that is very difficult in such cases, but at the same time it is very important for statistics. ... Considering that the number of dead bodies found in St. Petersburg is no less than the number of suicides, it is reasonable to assume that a certain percentage of these dead bodies came from suicides. ... As a result of these considerations, we can only talk about suicides that are fully proven, the number of which, in our opinion, is less than the real one" [17].

According to the national statistics of the post-reform decades, in the whole of the Russian Empire the causes of death remained unknown in 10.9 cases of the total number of deaths from sudden, violent causes and accidents. In general, the number of deaths from unknown causes in cities were higher compared to similar index in villages – 15.4 and 10.3 respectively. The number of deceased men with unidentified cause of death during this period amounted to 11.2 people per 100 deaths of both sexes. For women this index was 8.1 persons. For every 100 men who died of unknown cause of death, there amounted 29.2 women in the cities and 20.9 in the villages. In general, for the Russian Empire, this figure reached 22.2. Thus, for 30 thousand of the present urban population, 1.1 people died from unexplained causes.

невыясненных причин.

В таблице 2 представлены сведения о количестве судебно-медицинских осмотров и вскрытий мёртвых тел, произведённых врачами с целью установления истинной причины смерти человека (табл. 2) [18-32].

Согласно Отчётам Медицинского департамента МВД Российской империи «О состоянии народного здоровья» за 1876-1892 гг. всего было произведено 252296 судебно-медицинских вскрытий и осмотров мёртвых тел. При этом необходимо оговориться, что сведений о количестве судебно-медицинских вскрытий и осмотров мёртвых тел до 1876 г. обнаружить не удалось.

В качестве ещё одного уточнения необходимо упомянуть то, что, начиная с 1888 г. значительно увеличивается число проведённых судебно-медицинских экспертиз – практически на одну треть. Объяснение этому кроется в том, что с 1876 по 1887 гг. из губерний в Медицинский департамент представлялась информация о количестве произведённых судебно-медицинских вскрытий мёртвых тел, а с 1888 г. вскрытия и осмотры мёртвых тел стали суммироваться в одной графе отчёта – «количество произведённых экспертиз».

The following table provides information on the number of forensic examinations and autopsy of dead bodies performed by doctors in order to establish the true cause of death of a person (Table 2) [18-32].

According to the Reports of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire "On the state of public health" for 1876-1892 there were performed 252296 forensic autopsies and examinations of dead bodies in total. It should be noted that information on the number of forensic autopsies and examinations of dead bodies until 1876 could not be found. It must also be noted that starting with 1888, the number of forensic examinations carried out significantly increased – by almost one third.

The explanation for this lies in the fact that from 1876 to 1887 provinces provided to the Medical Department only the number of forensic autopsies performed on dead bodies, and after 1888, both autopsies and examinations of dead bodies were presented in one column of the report – “the number of examinations performed”.

Таблица 2 / Table 2

Статистические показатели судебно-медицинских осмотров и вскрытий мёртвых тел в 1876-1892 гг.

Statistical indicators of forensic examinations and autopsy of dead bodies in 1876-1892

Год Year	Число осмотров и вскрытий мёртвых тел The number of examinations and autopsies of dead bodies			
	всего произведено экспертиз / total number of exam- inations	в том числе по пово- ду насильственной смерти / violent deaths	смерти от болезненных причин / deaths due to disease	причины смерти остались невыясненными / unspecified causes of death
1876	14294	10667	3627	977
1877	13786	9966	3820	1370
1878	13558	9448	4110	1043
1879	13773	9682	4091	924
1880	13151	8337	4814	883
1881	14874	8479	6395	1253
1882	14341	10227	4114	1281
1883	16503	11775	4728	973
1884	13590	8665	4925	758
1885	14887	9087	5800	722
1886	16674	9983	6691	1037
1887	18153	10901	7252	1172
1888*	24578	13817	10761	898
1889	нет сведений / no data			
1890	нет сведений / no data			
1891	25246	14562	10684	917
1892	24888	14290	10598	881
Итого / Total	252296	159886	92410	15089

Примечание: *с 1888 года в отчётах по судебно-медицинской части вскрытия мёртвых тел стали суммироваться с осмотрами мёртвых тел / Note: * after 1888 the autopsies of the dead bodies started to be combined with examinations of the dead bodies in the forensic medical reports.

Имеющаяся в распоряжении статистика по судебно-медицинской части отчётов Медицинского департамента за данные 15 лет свидетельствует, что большая часть осмотров и вскрытий мёртвых тел производилась по поводу уточнения насильственного характера смерти. В эти годы по данному поводу судебно-медицинскому освидетельствованию было подвергнуто 159886 мёртвых тел, что составило 63,3% от общего количества судебно-медицинских экспертиз. Затем по количеству осмотров и вскрытий следовали экспертизы по уточнению болезненных причин, приведших к смерти. Данных судебно-медицинских экспертиз за 1876-1892 гг. было проведено 92410, что составило 36,7% от общего числа проведённых осмотров и вскрытий мёртвых тел.

В 15089 случаях судебно-медицинским экспертам установить причины смерти человека установить не удалось, как правило, «из-за гнилости трупа». Это составило 3,8% от общего количества произведённых судебно-медицинских осмотров и вскрытий.

Итак, большая часть судебно-медицинских экспертиз в этот период проводилась для установления причин насильственного характера смерти человека.

Наряду с обобщённой статистикой судебно-медицинских осмотров и вскрытий мёртвых тел в Медицинский департамент МВД Российской империи, начиная со второй половины 1870-х гг. стали поступать сведения о количестве выявленных случаев насильственной смерти, в которых отдельно выделялись причины смерти – убийства или самоубийства. Итак, в 1876-1892 гг. динамика выявленной насильственной смерти в общем количестве подвергшихся судебно-медицинским осмотрам и вскрытиям мёртвых тел выглядела следующим образом.

В 1876 г. насильственная смерть была констатирована у 10667 из 14294 освидетельствованных мёртвых тел, что составило 74,6% от всего числа исследованных трупов; в 1877 г. – в 9966 случаях (72,2%); в 1878 г. – в 9448 случаях (69,6%); в 1879 г. – в 3682 случаях (70,2%); в 1880 г. – в 8337 случаях (63,3%); в 1881 г. – в 8479 случаях (57,1%); в 1882 г. – в 10227 случаях (71,3%); в 1883 г. – в 11775 случаях (71,3%); в 1884 г. – в 8665 случаях (63,7%); в 1885 г. – в 9087 случаях (61%); в 1886 г. – в 9983 случаях (59,8%); в 1887 г. – в 10901 случае (60%); в 1888 г. – в 13817 случаях (56,2%); в 1891 г. – в 14562 случаях (57,6%); в 1892 г. – в 14290 случаях (57,4%). Таким образом, в 1876-1892 гг. в среднем насильственная смерть выявлялась в 64,3% судебно-медицинских экспертиз исследованных мёртвых тел.

Анализ всего массива сведений о результатах судебно-медицинских экспертиз в рассматриваемый временной отрезок позволяет выявить доли погибших от злоумышленных убийств и самоубийств в общем количестве исследованных мёртвых тел.

В 1876 г. общее число жертв убийств и само-

The available statistics on the forensic part of the reports of the Medical Department for these 15 years indicate that most of the examinations and autopsies of the dead bodies were carried out to clarify the violent nature of death. During these years, 159886 dead bodies were subjected to forensic examination in this regard, which accounted for 63.3% of the total number of forensic medical examinations. These were followed by examinations in order to clarify the causes of death by disease. According to the data of forensic medical examinations in 1876-1892, 92410 such autopsies and examinations were carried out, which amounted to 36.7% of the total number of examinations and autopsies of dead bodies.

In 15089 cases, forensic experts could not establish the causes of the death of a person, as a rule, "because of the rottenness of the corpse." This amounted to 3.8% of the total number of forensic examinations and autopsies performed.

So, most of the forensic medical examinations during this period were carried out to establish the causes of the violent nature of a person's death.

Along with the generalized statistics of forensic examinations and autopsy of dead bodies in the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, since the second half of the 1870s there was presented information on the number of cases of violent death identified, in which murder or suicide were singled out as separate causes of death. So, this is how the dynamics of the revealed violent death of the total number of victims of forensic medical examinations and autopsies of dead bodies looked in 1876-1892.

In 1876, violent deaths were reported in 10667 of 14294 examined dead bodies, which accounted for 74.6% of the total number of investigated corpses; that index reached 9966 cases (72.2%) in 1877; 9448 cases (69.6%) in 1878; 3682 cases (70.2%) in 1879; 8337 cases (63.3%) in 1880; 8479 cases (57.1%) in 1881; 10,227 cases (71.3%) in 1882; 11775 cases (71.3%) in 1883; 8665 cases (63.7%) in 1884; 9087 cases (61%) in 1885; 9983 cases (59.8%) in 1886; 10901 cases (60%) in 1887; 13817 cases (56.2%) in 1888; 14562 cases (57.6%) in 1891; 14290 cases (57.4%) in 1892. Thus, on average in 1876-1892, violent deaths were detected in 64.3% of forensic examinations of the examined dead bodies.

Analysis of the entire volume of information of the results of forensic medical examinations in the considered time period allows us to identify the share of victims of intended murder and suicide among the total number of dead bodies investigated.

In 1876, the total number of victims of murders and suicides amounted to 4088 peo-

убийств составило 4088 человек или 38,3% от общего количества освидетельствованных мёртвых тел; в 1877 г. – 4088 человек или 41%; в 1878 г. – 4553 человека или 48,1%; в 1879 г. – 4595 человек или 53%; в 1881 г. – 5117 человек или 60,3%; в 1882 г. – 5224 человека или 51%; в 1883 г. – 5364 человека или 45,5%; в 1884 г. – 4531 человек или 52,2%; в 1885 г. – 4137 человек или 45,5%; в 1886 г. – 4550 человек или 45,5%; в 1887 г. – 6115 человек или 56,1%; в 1888 г. – 7515 человек или 54,3%; в 1891 г. – 8145 человек или 55,9%; в 1892 г. – 7960 человек или 55,7%. Таким образом, в среднем около половины от общего количества судебно-медицинских осмотров и вскрытий мёртвых тел по поводу насильственной смерти подтверждали, что причинами летального исхода являлись злоумышленное убийство или самоубийство.

В общем количестве установленных в результате судебно-медицинских вскрытий насильственных причин смерти было выявлено следующее распределение. В 1876 г. из числа случаев насильственной смерти было самоубийств 1784 или 16,7%, убийств 2304 или 21,5%. В 1877 г. – самоубийств 1688 или 16,9%, убийств 2400 или 24,1%. В 1878 г. – самоубийств 1924 или 20,3%, убийств 2629 или 27,8%. В 1879 г. – самоубийств 1878 или 19,3%, убийств 2717 или 28,1%. В 1880 г. – самоубийств 1811 или 21,7, убийств 2614 или 31,3%. В 1881 г. – самоубийств 2061 или 24,3, убийств 3056 или 36,4%. В 1882 г. – самоубийств 2024 или 19,7%, убийств 3200 или 31,2%. В 1883 г. – самоубийств 2238 или 19%, убийств 3126 или 26,5%. В 1884 г. – самоубийств 1643 или 18,9, убийств 2888 или 33,3%. В 1885 г. самоубийств 1736 или 19,1%, убийств 2401 или 26,4%. В 1886 г. – самоубийств 1907 или 19,1%, убийств 2643 или 26,4%. В 1887 г. – самоубийств 2312 или 21,2%, убийств 3803 или 34,8%. В 1888 г. – самоубийств 2215 или 16%, убийств 38,5%. В 1891 г. – самоубийств 2572 или 17,7%, убийств 5573 или 38,3%. В 1892 г. – самоубийств 2391 или 16,7%, убийств 5569 или 38,9%.

Результаты и обсуждение.

Согласно установленному порядку, случаи насильственной, скоропостижной и случайной смерти констатировались полицейско-медицинским исследованием. Однако не всегда полицейская статистика срабатывала чётко и корректно. Иногда случались ошибки из-за того, что на стадии регистрации факта смерти, эти данные вносились в ненадлежащую рубрику. Например, скончавшийся от инфаркта или инсульта во время купания мог быть отнесён к утонувшим, а не к скоропостижно умершим от болезни. Ошибки технического характера также могли произойти при констатации фактов насильственной смерти: самоубийцы могли быть отнесены к погибшим от убийств, или наоборот.

Рассматривая статистику насильственной смертности в России и анализируя проблемы неполноты учёта этого вида смертности среди населения Европейской

ple, or 38.3% of the total number of dead bodies examined; that index was 4088 people or 41% in 1877; 4,553 people or 48.1% in 1878; 4,595 people or 53% in 1879; 5117 people or 60.3% in 1881; 5,224 people or 51% in 1882; 5364 people or 45.5% in 1883; 4,531 people or 52.2% in 1884; 4137 people or 45.5% in 1885; 4,550 people or 45.5% in 1886; 6115 people or 56.1% in 1887; 7515 people or 54.3% in 1888; 8145 people or 55.9% in 1891; 7960 people or 55.7% in 1892. Thus, on average, intended murder or suicide were confirmed as causes of deaths in about half of the total number of forensic examinations and autopsies.

In the total number of violent causes of death established as a result of forensic autopsies, the following distribution was revealed. In 1876, of the cases of violent death, there were 1784 or 16.7% suicides and 2304 or 21.5% murders. There were 1688 or 16.9% suicides and 2400 or 24.1% murders in 1877. In 1878, there were 1924 or 20.3% suicides and 2629 or 27.8% murders. In 1879, there were 1878 or 19.3% suicides and 2717 or 28.1% murders. In 1880 there were 1811 or 21.7 suicides and 2614 or 31.3% murders. In 1881, there were 2061 or 24.3 suicides and 3056 or 36.4% murders. In 1882, there were 2024 or 19.7% suicides and 3200 or 31.2% murders. In 1883, there were 2238 or 19% suicides and 3126 or 26.5% murders. In 1884, there were 1643 or 18.9 suicides and 2888 or 33.3% murders. In 1885, there were 1736 or 19.1% suicides and 2401 or 26.4% murders. In 1886, there were 1907 or 19.1% suicides and 2643 or 26.4% murders. In 1887, there were 2312 or 21.2% of suicides and 3803 or 34.8% murders. In 1888, there were 2215 or 16% suicides and 38.5% murders. In 1891, there were 2572 or 17.7% of suicides and 5573 or 38.3% murders. In 1892, there were 2391 or 16.7% suicides and 5569 or 38.9% murders.

Results and discussion.

According to the established procedure, cases of violent, sudden and accidental deaths were recorded by a police medical investigation. However, police statistics was not always recorded clearly and correctly. Sometimes errors occurred because at the stage of registration of the fact of death, these data were entered into an inappropriate section. For example, a person who died from a heart attack or stroke during bathing could be attributed to those who drowned, and not to those who died suddenly from the disease. Mistakes of technical nature could also occur when stating the facts of violent death – suicides could be attributed to those killed by murderers or vice versa.

Considering the statistics of violent mortality in Russia and analyzing the problems of

России, необходимо учитывать ещё одно обстоятельство. Дело в том, что толчок судебной реформе был дан в 1864 г., но её воплощение в жизнь растянулось на десятилетия. Это самым непосредственным образом сказало на развитии судебно-медицинской экспертизы по поводу определения причины смерти умершего человека, особенно в тех случаях, когда у полицейских органов было сомнение в наличии следов насильственных действий.

Формально судебно-медицинские акты составлялись врачами по требованиям судебных или административных властей по разным поводам, в том числе для определения рода и причины смерти – насильственной или от болезненных причин, для определения свойств и значения повреждений, приведших к смерти человека.

Что касается судебно-медицинской экспертизы, то к концу 1870 – началу 1880-х гг. сложились определённые различия между теми губерниями, в которых была проведена судебная реформа, там, где продолжали действовать старые суды, а также теми, где рядом с новыми судебными учреждениями соседствовали прежние.

В связи с таким положением вещей во многих местах Европейской части России сложилась своеобразная двойственность, следствием которой являлись сложности в деятельности губернских медицинских учреждений. Это заключалось в том, что в тех уездах и губерниях, в которых уже функционировали новые судебные учреждения, количество судебно-медицинских исследований оказалось гораздо больше, чем в тех уездах и губерниях, в которых продолжала сохраняться прежняя судебная система. Дело в том, что одной из особенностей нового судопроизводства являлось то, что как лица судебного ведомства, так и различные судебные учреждения получили право требовать самостоятельно и непосредственно от врача те или иные судебно-медицинские акты.

Выводы.

Проведённый анализ результатов судебно - медицинских осмотров и вскрытий мёртвых тел, проводившихся на протяжении 1876-1892 гг., показал, что в 63,3% случаях были выявлены насильственные причины смерти. В тех случаях, когда судебными медиками констатировалась насильственная смерть, в среднем в 19,1% случаях она являлась следствием самоубийства и в 30,9% случаях – злонамеренных убийств. По нашему мнению, полученными средними показателями общего количества погибших от насильственной смерти, в том числе от самоубийств или убийств можно воспользоваться для корректирования числа погибших от данных причин насильственной смерти в России пореформенного периода. Своеобразным «резервуаром» для получения более полной статистической картины погибших от самоубийств в России в пореформенный период является практически пятая часть от количества найденных мёртвых тел.

incomplete accounting of this type of mortality among the population of European Russia, one more circumstance must be taken into consideration. The fact is that the impetus for judicial reform was given in 1864, but its implementation was extended over the decades. This directly affected the development of the forensic medical examination in regards of the determination of the causes of death of a deceased person, especially in the cases where police had doubts about the presence of traces of violent acts.

Formally, forensic records were made by doctors according to the requirements of the judicial or administrative authorities for various reasons, including determining the nature and cause of death – due to violence or disease – in order to determine the properties and nature of injuries that led to human death.

As for the forensic medical examinations performed at the end of 1870s and the beginning of the 1880s, there were observed certain differences between the provinces in which the judicial reform was actually carried out, and those where the old courts continued to operate, as well as those where the old judicial institutions ran along the new ones.

As a result, in many areas in the European part of Russia a specific duality was developed that caused difficulties in the activities of provincial medical institutions – in the counties and provinces where new type of judicial institutions started to function, the number of forensic medical experts turned out to be much larger than in those counties and provinces where the old judicial system continued to be maintained. One of the peculiarities of the new legal procedure was that both the persons of the judicial department, and various judicial institutions now got the right to require medical reports on their discretion and directly from the doctor.

Conclusions.

An analysis of the results of forensic examinations and autopsy of dead bodies carried out during the years 1876-1892 showed that in 63.3% of cases, violent causes of death were identified. In cases where forensic doctors confirmed violent death, on average in 19.1% of cases it was caused by suicide and in 30.9% of cases it was caused by intended murder. In our opinion, the obtained average indices of the total number of deaths from violent death, including both suicides and murders, can be used to correct the number of deaths from violent causes in the post-reform period in Russia. A kind of “reservoir” for obtaining a more complete statistical picture of those who died from suicide in Russia in the post-reform period is almost one fifth of the number of dead bodies found.

Литература / References:

1. Иванова А.Е., Сабгайда Т.П., Семенова В.Г., Запорожченко В.Г., Землянова Е.В., Никитина С.Ю. Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России. *Социальные аспекты здоровья населения*. 2013; 4 (32): 1-36. [Ivanova A.E., Sabgayda T.P., Semenova V.G., Zaporozhchenko V.G., Zemlyanova E.V., Nikitina S.Y. Factors of distortion of structure of causes of death of able-bodied population of Russia. *Social aspects of population health*. 2013; 4 (32): 1-36.] (In Russ)
2. Тунина Н.А. Латентность семейного насилия и её последствия. Постановка проблемы. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2011; 3: 82-85. [Tunina N.A. Latency of family violence and its consequences. Problem statement. *Criminological journal of Baikal state University of Economics and law*. 2011; 3: 82-85.] (In Russ)
3. Лярский А.Б. Студент-самоубийца: историко-культурный феномен в России начала XX века. *Записки горного института*. 2005; 163: 80-82. [Larski V.A. Student suicide: a historical and cultural phenomenon in Russia at the beginning of the XX century. *Proceedings of the Mining Institute*. 2005; 163: 80-82.] (In Russ)
4. Безгин В.Б. Самоубийства крестьян в российской деревне конец XIX -начало XX века. *Исторический журнал: научные исследования*. 2012; 1: 69-76. [Bezgin V.V. Suicides of peasants in the Russian village end of XIX-beginning of XX century. *Historical journal: scientific researches*. 2012; 1: 69-76.] (In Russ)
5. Безгин В.Б. Жеребчиков Д.П. Суицид в городе и деревне Российской провинции конца XIX-начала XX веков. *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. 2012; 4: 1121-1129. [Bezgin V.V. Zherebchikov D.P. Suicide in the city and village of the Russian province of the late XIX-early XX centuries. *Bulletin of the Tambov State Technical University*. 2012; 4: 1121-1129.] (In Russ)
6. Morrissey S.K. Suicide and the body politic in imperial Russia. Cambridge: Cambridge university press, 2006. 384 p.
7. Jukkala T., Mäkinen I., Stickley A. The historical development of suicide mortality in Russia, 1870-2007. *Archives of Suicide Research*. 2015; 19 (1): 117-130.
8. Громов С. Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления. Санкт-Петербург: Тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1832. 554 с. [Gromov S. Summary of forensic science for academic and practical use]. St. Petersburg: Type. Headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard, 1832. 554 p.] (In Russ)
9. Буныковский В.Я. Опыт о законах смертности в России с распределением православного народонаселения по возрастам. *Записки Императорской Академии Наук*. Т/ 8. СПб., 1866. 196 с. [Bunyakovskiy V.Y. Experience on the laws of mortality in Russia with the distribution of the Orthodox population by age. *Zapiski Imperatorskoy Akademii Nauk*. V. 8. SPb., 1866. 196 p.] (in Russ)
10. Веселовский К.С. Опыт нравственной статистики России. Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1847. 64 с. [Veselovskiy K.S. Experiences of moral statistics in Russia]. Sankt-Peterburg: tip. M-va vn. del, 1847. 64 p.] (In Russ)
11. Медико-топографический сборник. Издание Медицинского департамента / Под ред. Г. Архангельского. Т.2. Санкт-Петербург: Мед. деп., 1871. 671 с. [Medical and topographic collection. Edition of the Medical Department. Ed. G. Arkhangelsk. Sankt-Peterburg: Med. dep., 1871. 671 p.] (in Russ)
12. Мухин Н.И. Очерк психологии самоубийства. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1903. 69 с. [Mukhin N.I. *Essay on the Psychology of Suicide*. Warsaw: type. Warsaw textbook. okr., 1903. 69 p.] (In Russ)
13. Статистический временник Российской Империи. Серия II. Выпуск 19. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1870-1874 гг. ЦСК МВД. СПб., 1882. 305 с. [Statistical epoch of the Russian Empire. Series II. Issue 19. Deaths violently and suddenly in European Russia in 1870-1874. TSSK MVD. SPb., 1882. 305 p.] (In Russ)
14. Статистический временник Российской Империи. №35. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875-1887 гг. ЦСК МВД. СПб., 1894. 67 с. [Statistical periodical of the Russian Empire. № 35. Those who died violently and suddenly in European Russia in 1875-1887. TSSK MVD. SPb., 1894. 67 p.] (In Russ)
15. Статистический временник Российской Империи. № 41. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1888-1893 гг. ЦСК МВД. СПб., 1897. 95 с. [Statistical epoch of the Russian Empire. № 41. Those who died violently and suddenly in European Russia in 1888-1893. TSSK MVD. SPb., 1897. 95 p.] (In Russ)
16. Розов Н.И. О наружном осмотре мертвых тел, производимом врачом по требованию полиции. *Архив Судебной Медицины и общественной гигиены*. 1869. Кн. 1. С. 81-83. [Rozov N.I. On an external examination of dead bodies by a doctor at the request of the police. *Arkhiv Sudebnoy Meditsiny i obshchestvennoy gigiyeny*. 1869; 1: 81-83.] (In Russ)
17. Пастернацкий И.Р. Статистическое исследование самоубийств в С.-Петербурге за 1870, 1871 и 1872 годы. СПб.: Тип. Я. Трея, 1873. 29 с. [Pasternatskiy I.R. A statistical study of suicides in St. Petersburg for the years 1870, 1871 and 1872. SPb.: Type. I. Treya, 1873. 29 p.] (In Russ)
18. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1876 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1877. 104 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1876. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1877. 104 p.] (In Russ)
19. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1877 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1878. 217 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1877. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1878. 217 p.] (In Russ)
20. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1878 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1880. 217 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1878. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1880. 217 p.] (In Russ)
21. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1879 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1881. 407 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1879. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1881. 407 p.] (In Russ)
22. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1880 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1882. 517 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1880. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1882. 517 p.] (In Russ)
23. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1881 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1884. 619 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1881. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1884. 619 p.] (In Russ)
24. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1882 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1885. 803 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1882. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1885. 803 p.] (In Russ)
25. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1883 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1886. 546 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1883. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1886. 546 p.] (In Russ)
26. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1884 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1887. 179 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1884. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1887. 179 p.] (In Russ)
27. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1885 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1887. 195 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1885. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1887. 195 p.] (In Russ)
28. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1886 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1888. 405 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1886. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1888. 405 p.] (In Russ)
29. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1887 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1888. 337 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1887. Control

- ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs SPb., 1888. 337 p.] (In Russ)
30. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1888 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1891. 198 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1888. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1891. 198 p.] (In Russ)
31. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1891 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1894. 305 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1891. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1894. 305 p.] (In Russ)
32. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1892 год. Упр. гл. врачев. инспектора МВД. СПб., 1896. 303 с. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1892. Control ch. a doctor. inspectors of the Ministry of Internal Affairs. SPb., 1896. 303 p.] (In Russ)

SUICIDES IN THE RUSSIAN EMPIRE AFTER THE ABOLITION OF THE SERFDOM: OFFICIAL STATISTICS AND THE REAL NUMBER OF SUICIDE VICTIMS

S.V. Bogdanov, N.A. Zhukova, A.S. Mamin, V.G. Ostapyuk

Belgorod State National Research University, Russia; dr.bogdanov_sv@mail.ru

Abstract:

Aim: The article is devoted to the analysis of official statistics on mortality of 49 provinces of the European part of the country from suicides and the reasons for its incompleteness. **Materials and methods:** during the chronological period of 1876-1892 the Russian Empire started the collection and publication of information about deaths that came as a result of violent causes, as well as discovered dead bodies that can be regarded as a kind of “reservoir” of unaccounted violent deaths – from murders and suicides. To obtain a more complete picture of the mortality rate from suicide, the information of forensic medical examinations of dead bodies is used. **Results:** According to the statistics, among the total number of deaths from sudden, violent causes and accidents all around the Russian Empire, the causes of death remained unknown in 10.9 cases. The number of deaths from unknown causes in cities, in general, exceeded the number of similar deaths in villages – 15.4 vs. 10.3 respectively. The number of men who died of unestablished cause of death in Russia during this period amounted to 11.2 people per 100 deaths of both sexes, while the number of women reached 8.1 people. For 100 deceased men with unidentified causes of death, there were 29.2 women in the cities and 20.9 women in the villages. In the Russian Empire in general, this indicator was 22.2. Thus, for 30 thousand of the present urban population, 1.1 people died from unexplained reasons. The analysis of the results of forensic examinations and autopsies of detected dead bodies conducted during 1876-1892 revealed that violent causes of death were detected in 63.3% cases. In cases where forensic doctors stated violent death, on average 19.1% were caused by suicide and 30.9% were violent deaths. **Conclusions:** Thus, in order to obtain approximate statistics of deaths from violent causes in Russia in the second half of the 19th century, it is necessary to add the corresponding calculated average percentage values to the official statistics of individual types of mortality.

Keywords: suicide, underestimation of suicide victims, dead bodies detected, post-reform development, forensic statistics

Вклад авторов:

- С.В. Богданов:** разработка дизайна исследования, обзор публикаций по теме статьи, написание и редактирование текста рукописи;
- В.Г. Остапюк:** написание текста рукописи; редактирование текста рукописи;
- Н.А. Жукова:** обзор и перевод публикаций по теме статьи;
- А.С. Мамин:** обзор публикаций по теме статьи.

Authors' contributions:

- S.V. Bogdanov:** developing the research design, reviewing of publications of the article's topic, article writing, article editing;
- V.G. Ostapyuk:** article writing, article editing;
- N.A. Zhukova:** reviewing and translating relevant publications;
- A.S. Mamin:** reviewing of publications of the article's theme.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 12.09.2019. Принята к публикации / Accepted for publication: 18.12.2019.

Для цитирования: Богданов С.В., Жукова Н.А., Мамин А.С., Остапюк В.Г. Самоубийства в Российской Империи после отмены крепостного права: статистика официальная и реальное количество жертв суицида. *Суицидология*. 2019; 10 (4): 3-15. doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04(37)-3-15

For citation: Bogdanov S.V., Zhukova N.A., Mamin A.S., Ostapyuk V.G. Suicides in the Russian Empire after the abolition of the serfdom: official statistics and the real number of suicide victims. *Suicidology*. 2019; 10 (4): 3-15. (In Russ) doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04(37)-3-15